

М. Ф. С.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Мы живем в такое время, когда многое можно сметь.

Екатерина II

Представляю вам Фиву, сестру нашу, диакониссу церкви Кенхрейской. Примите ее для Господа, как прилично святым, и помогите ей, в чем она будет иметь нужду у вас, ибо и она была помощницей многим и мне самому.

Послание к римлянам святого апостола Павла. Гл. 16, 1–2

О Екатерине II и ее царствовании написано так много, что трудно сыскать даже потаенный уголок великой жизни, куда бы не заглянул пытливым взором отечественный или зарубежный историк.

И тем не менее интерес к личности Екатерины, еще при жизни названной Великой, не снижается. В чем здесь дело?

Прежде всего, думается, в том, что екатерининская эпоха, сыгравшая важнейшую роль в развитии русского общества, понимании им того, что уже в XVIII веке называли «рациональным государственным интересом», дает необычайно богатую пищу для размышлений о судьбе России и ее месте в мировой истории. При Екатерине Россия, по выражению одного из крупнейших западных специалистов по российскому XVIII веку И. де Мадариага, впервые стала «понятной Европе». И это не пустая фраза, особенно с учетом того, что в екатерининское время проявились не только позитивные стороны начатого Петром и продолженного Екатериной перенесения европейского опыта строительства гражданского общества

на отечественную почву, но и явные издержки, обычные при «революциях сверху». В екатерининскую эпоху сформировался и тот, оказавшийся удивительно устойчивым, алгоритм внешней политики России (расширение пределов империи, не сопровождавшееся адекватным обустройством страны, раскрытием ее внутреннего потенциала), что просуществовал, перервалив за рубеж 1917 года.

Явные и скрытые парадоксы просвещенного екатерининского века, его внутренняя раздвоенность всегда интриговали русское общественное сознание. Вспомним хотя бы Пушкина. Екатерина для него, с одной стороны, — «Тартюф в юбке и короне», с другой — мудрая матушка-государыня из «Капитанской дочки». Те же сомнения угадываются у Карамзина, хотя он, убежденный монархист, и старался подавить их, констатируя, что русский народ никогда не чувствовал себя так счастливо, как в годы царствования Екатерины II.

Отсюда — и противоречивость политического осмысления наследия екатерининской эпохи. Герцен не мог простить Екатерине раздела Польши «между одной немкой и двумя немцами», а канцлер Горчаков, выдвинув после крымской катастрофы — промежуточного финиша екатерининского «греческого проекта» — принцип «сосредоточивания», пытался совместить либеральные реформы Александра II с возрождением опыта екатерининской дипломатии, который считал эталонным. В глазах Ключевского, наблюдавшего за деградацией российского самодержавия, как врач за развитием тяжелой болезни, правление Екатерины «закончилось почти банкротством — экономическим и нравственным»^[1], а Тарле, один из самых глубоких и добросовестных историков советской эпохи, видел в экономическом и культурном подъеме русского общества во второй половине XVIII века «феномен всемирно-исторического значения».

Екатерина, кстати, будто предчувствуя, как непросто будет потомкам по достоинству оценить ее деяния, всю жизнь сама писала историю своего царствования, хотя и делала это в силу своего положения весьма своеобразно: порой поразительно откровенно, иногда — полунамеками, а нередко и глубоко зашифровывая

смысл того, что хотела передать — или внушить — последующим поколениям.

«Мы живем в такое время, когда многое можно сметь», — сказала она как-то Безбородко. Мысль слегка корявая по стилю, но в ней — квинтэссенция мироощущения императрицы и ее орлов, разгадка того феномена, который, используя терминологию Л. Н. Гумилева, можно было бы назвать екатерининской пассионарностью.

Тем не менее оценки екатерининской эпохи отечественными и зарубежными историками остаются различными, порой взаимно противоречивыми. Можно, наверное, понять тех, кто продолжает слагать героические оды в честь побед Румянцева, Суворова или Потемкина. У нас есть все основания, чтобы с гордостью оглядываться на свое прошлое. Но не греться в лучах былой славы. Пора уяснить: важнейшая геополитическая функция поддержания равновесия сил в Европе, а затем и в глобальном масштабе, которую воплощала в жизнь Российская империя, а затем — на ином качественном и идеологическом уровне — Советский Союз, выполнена, и выполнена достойно. Новая эпоха несет с собой новые вызовы, и наша способность найти на них адекватные ответы становится — хотим мы этого или нет — единственным критерием подлинного патриотизма.

Впрочем, пора переходить к сути дела. Вопрос о том, в каком жанре написана эта книга, встал перед автором только после того, как она была закончена. То, что получилось, правильно, наверное, назвать историко-документальным исследованием. «Хроники» — плод пятнадцатилетнего изучения екатерининской эпохи, включая работу в архивах России, Франции, Англии, Австрии, в меньшей степени — Германии. Цель — высказать (по возможности, документированно) свою точку зрения на ряд ключевых проблем царствования Екатерины II, остающихся предметом дискуссий, и тем самым попытаться реконструировать внутреннюю логику одного из самых значительных периодов в русской истории. В форме «Хроник», сочетающей нарратив с текстами архивных источников, есть, очевидно, элемент некоего навеянного нашим непростым временем протеста против усредненности, фальшивой наукообразности, за которой так часто — пустота.

Исходя из этой подсмотренной где-то идеи, автор избрал в качестве темы для своих наблюдений психологию власти, конкретнее — особенности формирования и принятия политических решений в России. Личность Екатерины и ее эпоха дают для этого уникальный материал. Из тридцатичетырехлетней хроники великого царствования избраны четыре, как представляется, знаковых эпизода. При этом ракурс намеренно смещен в сторону его второй, менее изученной, но — хочется верить — более поучительной половины.

Форма изложения обусловлена убежденностью автора в том, что история — занятие увлекательное, но исключительно ответственное. Все упоминаемые в хронике лица — подлинные, факты, речь в диалогах, события и их хронология реконструированы по документам и богатейшему эпистолярному наследию XVIII века. Нарастить нарративную плоть на скелет фактов автор позволял себе только в тех случаях, когда чувствовал необходимость заполнить смысловые и фактологические лакуны, вызванные нехваткой документов или противоречиями в них. Сноски в тексте делаются только на впервые обнаруженные или ранее не публиковавшиеся документы российских и зарубежных архивов. Наиболее значимые из них публикуются в Приложениях.

В качестве иллюстраций (или, скорее, вместо них) использован альбом великого князя Николая Михайловича, в который он клеивал гравюры, репродукции картин и скульптур екатерининской эпохи, имея в виду, очевидно, использовать их в готовившейся им монографии о царствовании Екатерины II. Историческая ценность этого альбома, подписей и маргиналий, сделанных рукой Николая Михайловича, не нуждается, как нам кажется, в комментариях. Альбом публикуется как единый документ, в том виде, в котором он хранится в личном фонде великого князя в ГАРФ.

И последнее.

К появлению первого издания этой книги в 2001 году причастны многие люди, причем боюсь, что некоторые из них об этом не подозревают. Автор с признательностью вспоминает рассказы о Павловске и Царском Селе тогдашнего хранителя Павловского дворца-музея А. М. Кучумова; встречи и беседы в родовом замке

Белей с потомками принца Шарля-Жозефа де Линя в Бельгии; французском Монбельяре — на родине императрицы Марии Федоровны; Цербсте в Германии, где в уцелевшем после англо-американских бомбардировок времен Второй мировой войны крыле замка принцев Ангальт-Цербстских устроен небольшой музей Екатерины II. И конечно же — прогулки по парку Сан-Суси в Потсдаме с профессором Мёллером, знающем о его великом обитателе — Фридрихе II — больше, чем его современники.

Особая благодарность — коллегам-архивистам. Сергею Владимировичу Мироненко, Игорю Сергеевичу Тихонову, Александру Ростиславовичу Соколову, Светлане Романовне Долговой, Вячеславу Сергеевичу Лопатину. Зарубежным коллегам — мадам Моник де Номази (Франция), миссис Джилл Бенет (Великобритания), Стефану Хартману (Германия).

Отдельное спасибо сотрудницам Архива внешней политики Российской империи МИД, без высокопрофессиональной помощи которых этой книге не суждено было бы появиться на свет, — Ольге Алексеевне Глушковой, Ольге Юрьевне Волковой, Светлане Леонидовне Туриловой, Ольге Ивановне Святецкой и, конечно же, Наталье Владимировне Бородиной.

ГНИЛОЙ ГОД
(сентябрь 1773 – март 1776 гг.)

ДЕЙСТВО ПЕРВОЕ

Rien n'est plus vrai. Je suis
à Petersbourg^[2].

*Из письма Д. Дидро
Е. Р. Дашковой,
октябрь 1773 г.*

1

Осень 1773 года в Петербурге выдалась необычно холодной. Уже в середине сентября легким морозцем прихватило лужи, но тут же промозглый ветер с залива, наполнивший улицы вязким туманом, превратил хрупкий первый ледок в чавкающую под ногами прохожих и под колесами экипажей жижу.

28 сентября, после полудня, со стороны Ревельской заставы в столицу въехала забрызганная грязью карета-дормез, запряженная четверкой лошадей. В дормезе сидели двое: дородный пожилой мужчина в суконном плаще и человек в черном платье, зябко кутавшийся в меховой полог. Орлиный, с горбинкой нос на худом изможденном лице придавал ему сходство с хищной птицей. На заставе карета не задержалась. В первом из пассажиров дежурный унтер-офицер тотчас признал известного всему Петербургу обер-егермейстера Семена Кирилловича Нарышкина. Господин в черном платье, походивший на иностранца, караульным был незнаком.

Поскрипывая английскими рессорами, карета продолжила свой путь по погружавшимся в вечерние сумерки улицам Петербурга. На подъезде к Мойке ход ее замедлился: кучер, чертыхаясь, то и дело тянул на себя вожжи, объезжая бесчисленные колдобины вечно ремонтировавшихся мостовых. Дормез остановился на Исаакиевской площади у трехэтажного особняка, украшен-

ного портиком и коринфскими колоннами. Выскочивший из парадного лакей в нарышкинской ливрее и с фонариком в руке распахнул дверцу и опустил приступку. Выйдя из кареты, Семен Кириллович еще долго стоял у распахнутой дверцы, в чем-то убеждая своего попутчика. Тот, однако, нервно жестикулируя, стоял на своем. Недоуменно пожав плечами, Нарышкин приподнял шляпу и вошел в дом.

Спустя некоторое время карета с нарышкинским гербом на дверце подъехала к дому скульптора Фальконе, седьмой год трудившегося в северной столице над конным памятником Петру Великому. В мастерской скульптора человек в черном пробыл недолго. Когда через несколько минут он вышел на улицу, вид у него был растерянный.

По уже знакомому маршруту дормез вернулся на Исаакиевскую площадь. В приемной нарышкинского особняка незнакомец сбросил на руки швейцару черный плащ.

— Как прикажете доложить? — осведомился дворецкий по-французски.

— Дени Дидро, — ответил человек в черном платье.

Как ни курьезно это звучит, но знаменитый издатель Энциклопедии, приехавший в Петербург по приглашению императрицы Екатерины Алексеевны, в свой первый вечер в российской столице с трудом нашел место для ночлега.

2

Необычные обстоятельства появления Дидро в России отметил в конце прошлого века знаменитый историк Бильбасов. Дело в том, что в Петербурге Дидро ждали.

Еще в июле 1762 года, через несколько дней после восшествия на престол, Екатерина впервые пригласила Дидро приехать «для ее наставления». Позже такие приглашения последовали Вольтеру, Д'Аламберу, Руссо. Дидро, однако, стал первым. Зная о финансовых затруднениях великого энциклопедиста, его бесконечных тяжбах с издателями, а также о препятствиях, которые чинили ему Ватикан и Версаль, императрица предложила Дидро продолжить издание Энциклопедии в России, обещая, как он сам

впоследствии признавался, все: свободу, свое покровительство, почести, деньги. Иван Иванович Шувалов, находясь в дружеских отношениях с Вольтером, просил того убедить Дидро принять предложение Екатерины. Однако Дидро ответил вежливым, но твердым отказом. Он считал делом принципа завершить главный труд своей жизни на родине.

Все началось в 1745 году, когда книготорговец Ле Бретон подписал с Дидро контракт на перевод двухтомной энциклопедии Эфраима Чамберса, изданной в 1727 году в Лондоне. Труд Чамберса был не лучше, но и не хуже других энциклопедических лексиконов, появлявшихся с XVII века в Италии, Германии, Англии, Польше. Дидро, перебивавшийся в то время переводами с английского и другой литературной поденщиной, взялся за перевод без колебаний — четыре года назад он женился, и его жене, Антуанетте Шампюан, приходилось экономить на еде, чтобы дать мужу пару сантимов на чашку кофе в кафе де Режанс, где он любил наблюдать за игрой знаменитых шахматистов. Принявшись за работу, Дидро быстро обнаружил, что лексикон Чамберса безнадежно устарел. За двадцать лет, прошедших со времени его публикации, философы, натуралисты, биологи, математики высказали целый ряд новых идей, которые невозможно было игнорировать. Дидро предложил Ле Бретону совершенно новое издание, в котором хотел объединить все человеческие знания в единую энциклопедическую форму таким образом, чтобы каждый отдельный предмет трактовался с точки зрения новейших достижений философии.

Ле Бретон, проявив завидную дальновидность, согласился. И не прогадал. Благодаря своему неистощимому энтузиазму, Дидро сумел привлечь к работе над Энциклопедией лучшие умы Франции и всей Европы. Успел оставить набросок статьи «О вкусе» Монтескье, скончавшийся в самом начале этого грандиозного предприятия, Д'Аламбер взял на себя разделы математики и физики. Тюрго писал на экономические и финансовые темы, Руссо — о теории музыки, знаменитый натуралист Бюффон — о естественных науках, Гольбах — о химии и минералогии, Галлер — о физиологии, Мармонтель — о театре. Вольтер, проходивший в те годы лукавую школу придворной науки в Потсдаме,

горячо поддержал энциклопедистов. Он, как и Дидро, ясно видел их практическую цель — вывести общество из того безнравственного и беспомощного состояния, в которое его повергли гнет церковных догматов и произвол абсолютизма.

Первые два тома Энциклопедии вышли в 1751 и 1752 годах и имели огромный успех. Они жарко обсуждались в парижских салонах, немецких университетах и женеvских кафе. Разумеется, прозвучало и мнение, утверждавшее, что цель Энциклопедии — уничтожение монархии и религии. Однако ни Версаль, ни католическая церковь уже не могли остановить прогресс человеческой мысли. Декрет Людовика XV об уничтожении вышедших томов Энциклопедии лишь добавил популярности запрещенному изданию.

Когда в 1757 году вышел седьмой том, и друзья, и противники Дидро осознали истинные масштабы начатого им предприятия. Число подписчиков достигло рекордной для того времени цифры — четырех тысяч человек. Энциклопедией зачитывались не только философы, но художники и студенты, модные портные и журналисты — в ней можно было найти ответ на любой вопрос. Версальские модницы узнавали, сколько сурьмы содержат их румяна, придворные щеголи — как делаются шелковые чулки, военные получали сведения о различных составах пороха. И дело было не только в удивительном многообразии точных сведений из самых разных областей человеческой деятельности. Начиналась революция духа, уже прозвучал грозный сигнал неизбежной гибели старого порядка.

В 1759 году королевским декретом издание Энциклопедии было вновь запрещено. На этот раз запрет вызвал мощный политический скандал, докатившийся до Берлина и Петербурга.

В течение семи лет — с 1758 по 1765 год — Дидро редактировал Энциклопедию в одиночку. Д'Аламбер, напуганный травлей, которую начала против него католическая церковь, прекратил сотрудничество с ним, Руссо поссорился с Дидро по личным причинам. Только фанатическая убежденность в своей правоте и гигантская работоспособность помогли Дидро преодолеть и политическое давление, и интриги книгоиздателей, опутавших его долговыми обязательствами. В 1765 году в Париже почти

одновременно вышли последние десять томов Энциклопедии. В 1772 году были опубликованы еще одиннадцать томов гравюр. Однако место издания был уже не Париж, а Невшатель, и подписчики получали тома тайком.

Подвижнический труд был завершен. Радость Дидро омрачило только то, что в корректурах последних томов Ле Бретон без согласования с ним вычеркнул немало того, что, по мнению издателя, могло бы вызвать недовольство правительства. До конца жизни Дидро так и не простил Ле Бретону его поступок, считая свой труд непоправимо испорченным.

Энциклопедия имела громадный успех в Европе. Не стала исключением и Россия. К 1773 году в Петербурге и Москве вышло несколько сборников на русском языке, содержащих статьи Энциклопедии. Переводившие их Херасков, Томашевский, Рубан препятствий со стороны цензуры не встречали: московское и петербургское начальство знало, что каждый вышедший в свет том Энциклопедии немедленно доставлялся в Зимний дворец.

«Я не могу оторваться от этой книги, — писала Екатерина Фальконе в 1772 году, — это неисчерпаемый источник превосходных вещей».

Для Екатерины с ее страстью к самообразованию Энциклопедия была просто находкой. Еще будучи великой княгиней она внимательно проштудировала все шестнадцать томов Энциклопедического лексикона Бейля. Читая Бейля, Екатерина открывала для себя значение неизвестных ей понятий, Дидро же и его друзья-энциклопедисты помогли ей почувствовать дух эпохи.

Разумеется, в России, как и во Франции, было немало влиятельных противников Энциклопедии.

Скепсис московских и петербургских ворчунов несколько не охлаждал энтузиазм императрицы. Благодаря обостренной интуиции и здравому смыслу — а, может быть, это одно и то же? — Екатерина прекрасно понимала, когда можно идти против течения, а когда нет.

В 1765 году, узнав от посланника в Париже Дмитрия Алексеевича Голицына о финансовых затруднениях Дидро, она немедленно предложила ему помощь. Дидро в тот момент подумывал о замужестве своей дочери, на приданое для которой у него

не было средств. Оказавшись по вине недобросовестных издателей на грани разорения, он решился продать свою библиотеку, которую собирал всю жизнь. Ее хотел купить парижский нотариус, но Голицын устроил так, что Екатерина приобрела библиотеку Дидро за пятнадцать тысяч франков, деньги по тому времени немалые. Для сравнения скажем, что литературным трудом Дидро зарабатывал не более трех тысяч франков в год. Однако на этом дело не кончилось. Библиотека была оставлена в пожизненное пользование Дидро и ему как библиотекарю российской императрицы было положено жалование в тысячу франков. Впрочем, и это еще не все. Жалование, назначенное Дидро, намеренно забывали платить в течение двух лет, а затем, чтобы искупить «забывчивость», прислали сразу пятьдесят тысяч франков — сумму, причитающуюся за полвека вперед.

Великодушный жест Екатерины, да еще сделанный с таким тактом, вызвал раздражение Людовика XV и его министра иностранных дел герцога Шуазеля, усмотревших в покровительстве русской императрицы опальному французскому философу политическую интригу. В Версале обсуждались меры противодействия. Людовик подумывал даже поехать к Вольтеру в Ферней, но так и не собрался.

Прусский король, напротив, аплодировал из Потсдама щедрости русской императрицы. Фридрих и сам, несмотря на крайнюю стесненность в средствах, выплачивал субсидии д'Аламберу и Гримму. Густав III, только что вступивший на шведский престол, Иосиф II, соправитель Марии-Терезии, — словом все просвещенные монархи Европы — соревновались в комплиментах в адрес Екатерины.

Об общественном мнении и говорить нечего. Вольтер и его друзья не скрывали восторга.

«Вся литературная Европа, — писал Екатерине д'Аламбер, — рукоплескала, государыня, отличному выражению уважения и милости, оказанным Вашим императорским величеством господину Дидро».

Одним словом, жатва, собранная Екатериной, оказалась обильной. Один за другим философы возлагали венки на алтарь Северной Семирамиды.